

9. Пискулова Ю.Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – XX вв. М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 70.

10. Симбирцева Т.М. Русско-корейские переговоры в Кёнхыне в 1869 г. и их историческое значение / Г.Н. Ли, Б. Цой, В.С. Чен, М.А. Югай // Энциклопедия корейцев России. М.: РАЕН, 2003. С. 155.

УДК 94(47).084.9

О.В. Кузнецова,
Н.С. Смолина
УрФУ, Екатеринбург

СОВЕТСКАЯ ОТКРЫТКА 60 – НАЧАЛА 90-х гг. XX в.

Интерес к «советскому», который демонстрируют в последние годы отечественные и зарубежные гуманитарии, связан с некой потребностью в проработке советского опыта, и потребность эта ощущается и старшими, и более молодыми поколениями. Любой постсоветский человек является носителем интеллектуального, культурного наследия из советского прошлого.

Обращение к сфере повседневности, ментальности и идентичности, акцентирование на анализе стратегий и практик поведения, норм, ценностей и ориентаций раскрывает новые возможности осмысления советской действительности. Анализ сферы повседневности выводит на первый план голос человека, реального участника социального процесса, а не только точку зрения власти и интеллектуалов. Понятие «повседневность» схватывает субъективность, отображает мир изнутри той или иной социальной реальности. В антропологическом разрезе «советское» проявляет свою неоднозначность, многогранность, уникальность, специфичность. В конечном итоге «советское» описывается через формы коллективного сосуществования в повседневности. В таком случае объектом анализа становятся повседневные, рутинные, ритуализированные типы поведения, «практики», выявляющие не только особенности коммунального бытия, но и бытия в коллективе вообще, главным образом, формы взаимодействия людей друг с другом, свойственные только советской действительности. Практики (телесные, поведенческие, культурные, языковые) - своего рода продолжение идентичности человека (в том числе коллективной), которое встраивается в «Я-концепцию» и одновременно подтверждает ее. Практики конституируют и воспроизводят коллективные идентичности, «раскрывают» основные способы социального существования, возможные в рамках конкретного социального пространства.

Традиция посылать открытки с поздравлениями – типичная советская практика второй половины XX в., через которую мы можем приблизиться к пониманию «советского человека», его аксиологии, советского ритуала.

«Открытка» – открытое письмо стало популярно во второй половине XIX – начале XX вв. После революции 1917 г., открытка рассматривалась как предмет буржуазного быта, ее популярность упала. Второе появление открытки приходится на 40-е гг. XX в. «Одни источники утверждают, что впервые они были изданы ограниченным тиражом к Новому, 1942 году. По другой версии, в декабре 1944 из освобожденных от фашизма стран Европы советские солдаты стали присылать своим родственникам невиданные доселе красочные иностранные новогодние открытки, и партруководство решило, что нужно наладить производство собственной, «идеологически выдержанной» продукции. Как бы то ни было, но массовый выпуск новогодних открыток начался только в 50-х» [1]. Советская открытка – огромный массив артефактов – остается малоизученным, особенно тексты. В нашем распоряжении было около 300 открыток, циркулировавших в семьях рабочих леспромхозов, бывших крестьян конца 50 – начала 60-х – начала 90-х гг. XX в.

Движение открыток демонстрирует коммуникационные сети советского человека. Направление движения открыток – чаще всего по линии от родственников к родственникам (степень родства различна), от друзей друзьям, от коллег коллегам.

Доминирующее количество открыток от родственников к родственникам не укладывается в картину «пролетария» с его «короткими» семейными связями. Это может объясняться тем, что адресаты и получатели, исследуемых открыток, несмотря на переезд из деревень в города и промышленные поселки, сохраняли крестьянский габитус. Габитус порождает практики (но не в духе жесткого детерминизма), представляя собой «матрицу» восприятия, позволяющую индивиду ориентироваться в социальном процессе и адекватно реагировать на различные события и ситуации.

Поздравления от родственников содержат пожелания счастья, здоровья, успехов в личной и трудовой жизни, хорошей учебы, весело провести праздник. Зачастую тексты трогательны и наивны, сопровождаются комментариями на какие-либо события, происшедшие в жизни «большой семьи», просьбы, благодарности (рис. 1, 2). Нами был замечен тот факт, что пожелания не зависели от праздника, будь то 7 Ноября, 1 Мая или Новый год (рис. 3). Праздничные даты – даты на календаре коммуникаций.

Тексты поздравлений открытые, сообщаются подробности семейной жизни. Это создает ощущение стирания границ личной жизни. Интересно, что в исследуемом объеме открыток крайне мало артефактов, связанных с днями рождения и в основном они относятся к позднесоветскому времени. Исследуемая группа открыток, как отмечалось ранее, связана с крестьянами, осевшими в основывающихся промышленных поселках и небольших городах Свердловской области 1960-х гг. Крестьянский габитус, да и стиль советской жизни, ставит общественное выше личного.

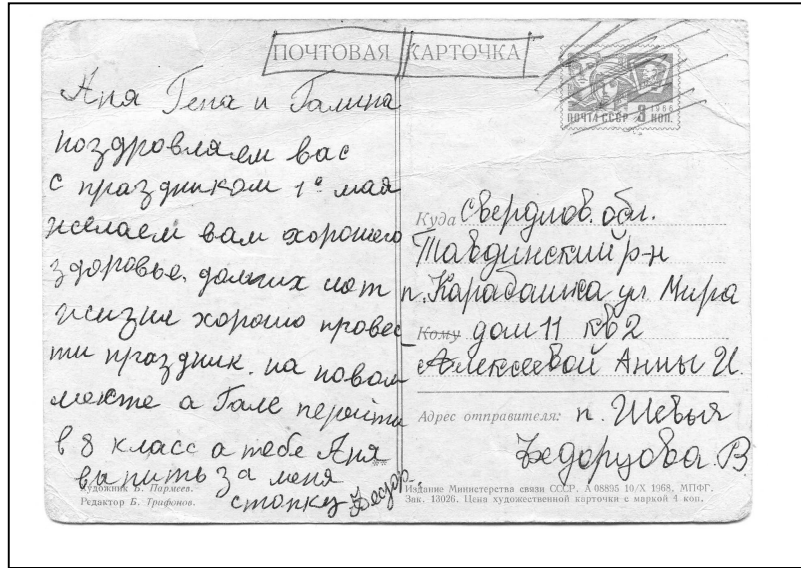

Рис. 1

Рис. 2

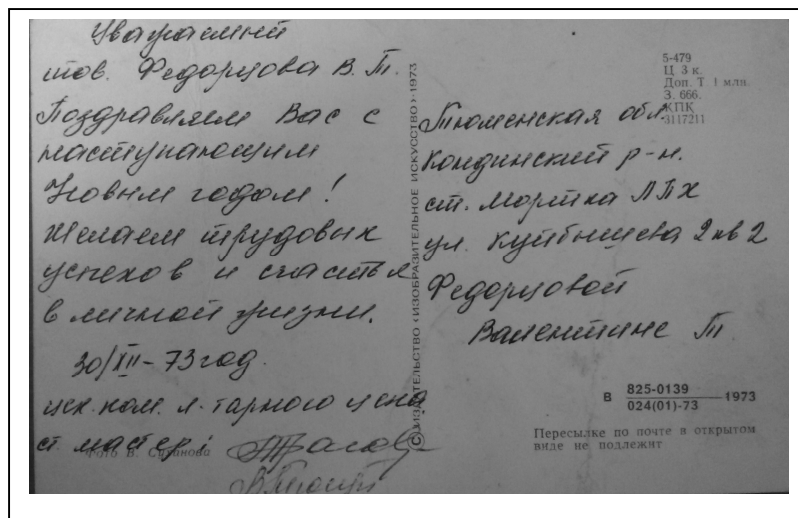

Рис. 3

В открытках прослеживается практика разделения в поздравлениях личной и трудовой жизни. Сама линия разделения одной единственной жизни человека на личную и трудовую может говорить об ощущаемом, но не обязательно осознаваемом конфликте. Это разделение может свидетельствовать о многом: неудовлетворенности трудом, процессе осознания личной значимости... Это сложный вопрос, ждущий ответа.

Особая группа открыток – школьные (рис. 4, 5). В нашей коллекции направление движения открыток было от ученика – к ученику, от взрослого – ребенку. Школьных открыток много. Ученик, ребенок через ритуал подписания открытки усваивал ценности общества.

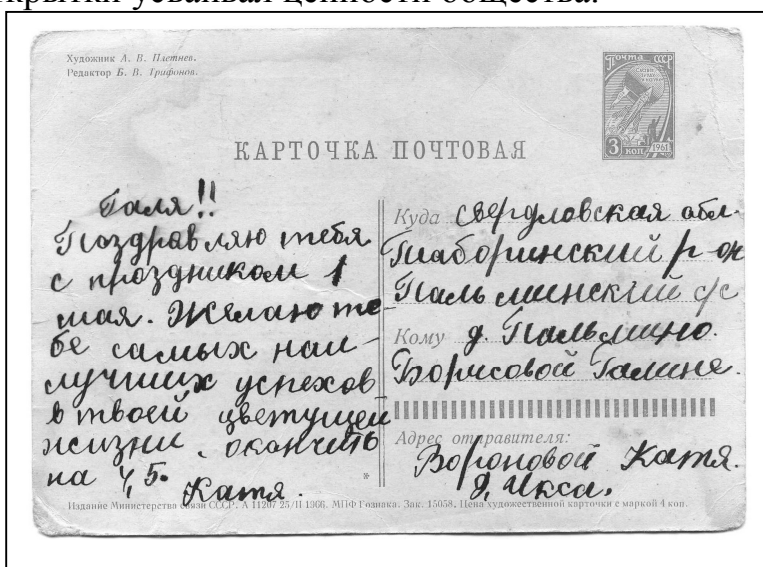

Рис. 4.

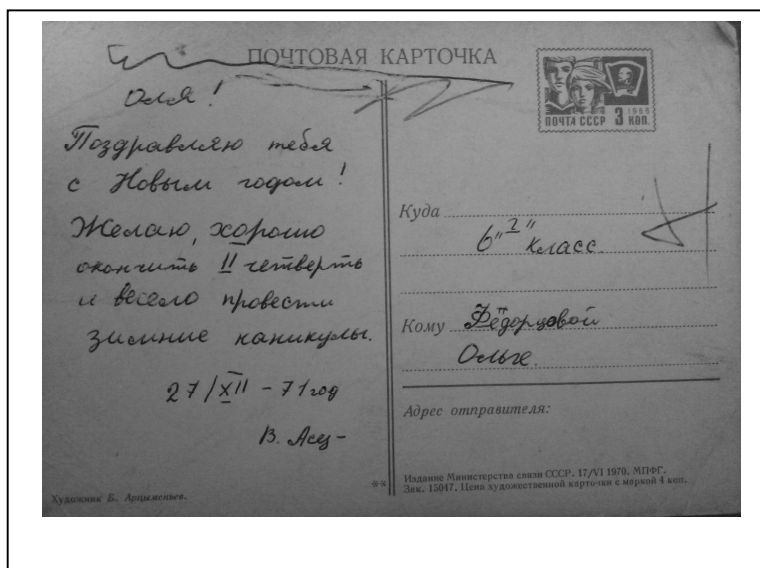

Рис. 5.

Мы пришли к тем же выводам, что и О.В. Шабурова: «в этой системе индоктринации, управлении субъективностью, центральным становится «учиться, учиться и еще раз учиться...». Это – ядро всей идеологии советской школы. Поразительно, но все пожелания и устремления участников

«открыточной коммуникации» отражают эту тему. Детям желают «хорошо учиться и слушаться взрослых» (дети сами желают этого друг другу). Учителям желают, чтобы все их ученики хорошо учились. Родители выступают с пожеланиями выучить, наконец, арифметику и перейти в следующий класс и т.д. Ценность учебы возведена в абсолют, а модель успеха советской жизни (и не только в школьной) определена успехами в учебе. Школьное поздравление выступает постоянным транслятором этой нормы. Этот элемент школьной повседневности встраивается в глобальную стратегию развития страны» [2, с. 100-101].

В открытках, особенно позднесоветских, отразилась повседневность с феноменом дефицита, финансовыми проблемами. Тон письма поменялся, стал тревожным (рис. 6–8).

Открыток времен перестройки, с 1985 по 1991 гг., почти не сохранилось. Те, что оказались в нашей коллекции, никак не свидетельствовали о «подъеме духа», скорее наоборот (рис. 6–8).

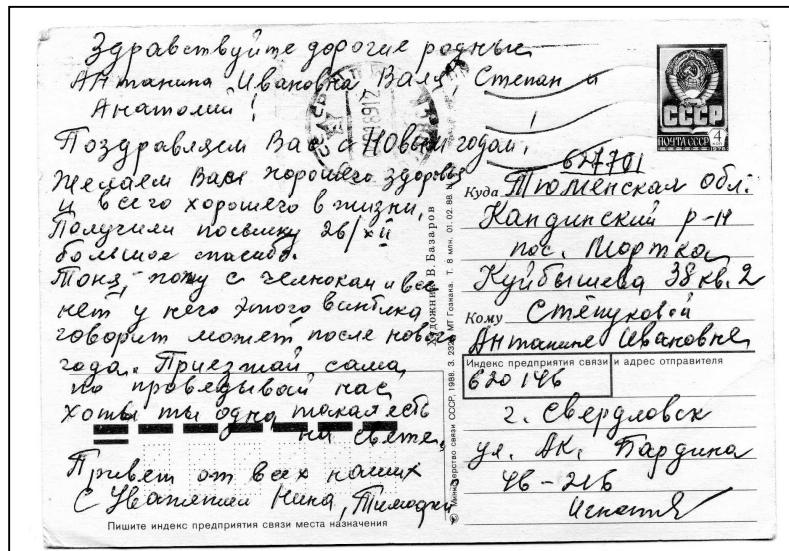

Рис. 6.

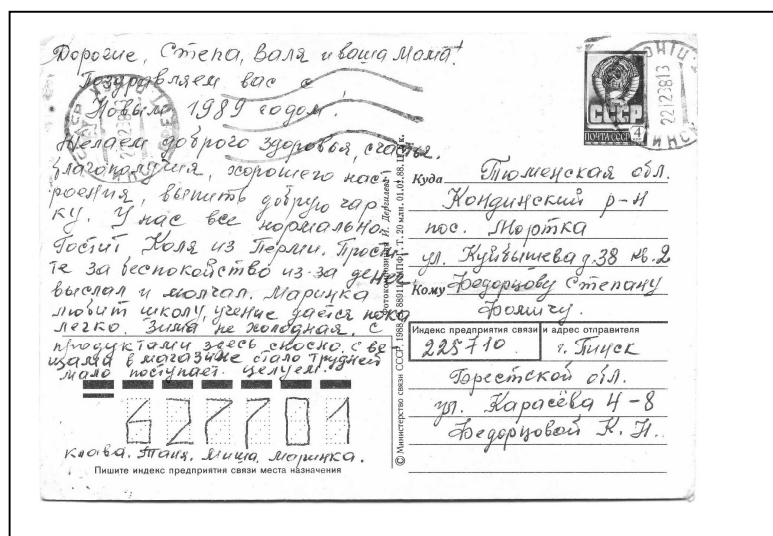

Рис. 7.

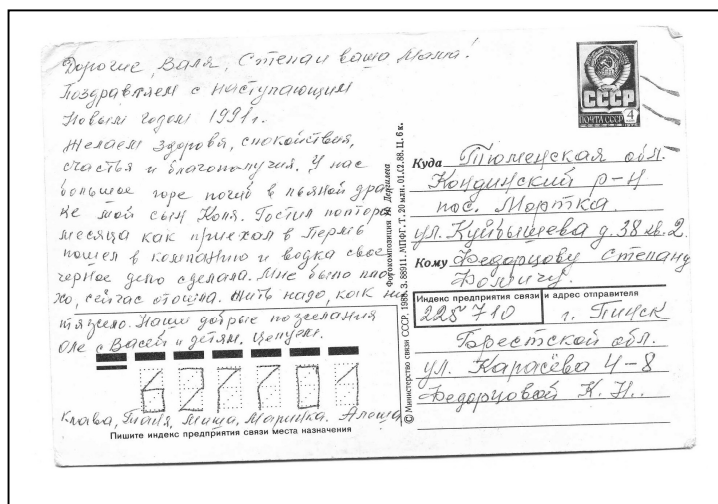

Рис 8.

В открытках начала 1990-х гг. много текста. Тексты начинают напоми- нать современные sms. Вероятно, это связано с ростом стоимости поч- товых и телефонных услуг, желанием передать происходящие изменения в жизни человека, выразить тревогу и растерянность. Создается впечатле- ние, что представление о том, что нужно транслировать, в тексте если не утеряно, то размыто. Наблюдается начало кризиса коллективной иденти- чности – отражение в сознании человека несоответствия устоявшейся иден- тификационной модели и изменяющейся социальной реальности, понима- ние этого несоответствия переживается человеком как травма, которая проявляется на коллективном уровне. Кризис идентичности наступает в момент распада социальной системы, потери ценностных ориентиров, це- ментирующих сообщество. Дискурс кризиса идентичности переплетается с дискурсом травмы. Коллективная травма – это состояние, переживаемое группой как утрата, растерянность, в связи с проблемой социального изме- нения, социальной трансформации.

Почему открытка была столь популярна в советское время? Можно выделить несколько причин. Во-первых, дешевая открытка эффективно транслировала аксиологию, структуру коммуникаций советского общест- ва, поддерживала связи. Во-вторых, картинка на одной из сторон открытки представляла ценность. Обычай сохранять «фряжские» потешные листы, лубок, бумажные иконы, фотографии, любое заинтересовавшее изображе- ние и украшать им помещение был еще в царской России. Оказался этот обычай приемлемым и в СССР второй половины XX в. Открытки исполь- зовались в быту, ими оклевали сундуки, чемоданы, помещали под стекло наряду с фотографиями, украшали фотоальбомы. Позднее из открыток и скрепок стали делать межкомнатные шторы. Мы помним, как из открыток делали мозаику для детей. Дети коллекционировали открытки как картин- ки, использовали их как закладки. «Вторая жизнь» открытки делала быт

уютнее. В-третьих, открытка являлась подарком сама по себе. Как пишет О.В. Шабурова, «в советской школе практически не было подношений, материальный дух изгонялся. И только дешевая открытка за три копейки становится необходимой формой овеществления, опредмечивания отношений по линии "ученик – учитель"» [2, с. 120].

Библиографический список

1. Появление первых советских открыток [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirpoz.ru/ru/publications/history/detail.php?BID=31&ID=1103>

2. Шабурова О.В. Школьная открытка как ритуал и дисциплинарная практика // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 100 – 120.

УДК 908+34.03

Е.Ю. Литвинец
УГЛТУ, Екатеринбург

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.: ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Традиция пренебрежительного отношения к праву в России уходит вглубь веков. Русский историк В. Ключевский писал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Свойственные европейским народам идеи права, свободы, справедливости в России всегда были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой французский кафтан или парик был доступен немногим карманам» [1].

Речь идет о неостребованности права в обществе как свойстве культуры российского обывателя. Выше правовых ценностей в России всегда стояли другие – самодержавие, анархия, православие, марксизм. Интересна попытка преодоления такого изъяна в ходе Великих реформ середины XIX в., когда произошло столкновение правового нигилизма и новых элементов правового государства.

Генезис судебной реформы многие историки связывают с формированием нового типа чиновника, для которого право, закон не было пустым звуком. Это результат развития юридического образования в России. В 1835 г. в Петербурге было основано элитарное заведение английского типа – Императорское училище правоведения, которое готовило кадры для Сената и Министерства юстиции. К 1850-м гг. юристы заняли стратегические посты в правительстве, позволявшие им составлять проекты реформ,